

Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.)

Юлия Николаевна Сушкова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Институты брака и семьи представляются неотъемлемым компонентом традиционного жизнеобеспечения народов, отражающим их историю, особенности быта и деятельности. Финно-угорские этносы на протяжении многовекового периода их существования сформировали оригинальные пласты брачно-семейных традиций, многие элементы которых сохранены до сих пор. В статье в сопоставительном плане проводится юридико-антропологический анализ брачно-семейных обычаев финно-угорских народов Поволжья.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили источники, научная литература, архивные материалы по состоянию брачно-семейных отношений финно-угорских народов Поволжья в конце XIX – начале XX в. В его основу положена юридико-антропологическая методология, включающая как соответствующие теоретические подходы, так и конкретные способы сбора материалов. Сравнительный метод позволяет сопоставить те или иные элементы институтов брака и семьи у отдельных финно-угорских народов Поволжья, выявить общие и особенные их черты. Герменевтический метод предполагает при изучении правовых обычаев более глубокое проникновение в логику правового мышления человека.

Результаты исследования и их обсуждение. В общественном быту финно-угорских народов важную роль играли семейные обряды и обычаи, связанные с заключением брака, свадьбой и внутрисемейной жизнью. Большое значение придавалось домашним божествам. В регулировании брачно-семейных отношений долгое время сохранялись многие традиционные черты, что было обусловлено замедленными темпами становления рыночных отношений, патриархальными чертами семейного уклада, прочностью семейно-родственных связей. Свадебные обряды характеризовались сложностью и многообразием. Приуроченные к разным этапам свадьбы, знаменовавшей собой переход юноши и девушки в новый социальный статус, они должны были способствовать более благополучному осуществлению этого события, санкционировать его в глазах родственников и односельчан.

Заключение. Финно-угорские этносы Поволжья выработали множество аналогичных черт традиционной культуры и быта, что свидетельствует о традициях взаимопроникновения и взаимодействия. Несмотря на общие компоненты и в целом сходство обычаев в сфере брачно-семейных отношений, у народов имеются и отличительные свойства, особенности мировоззрения, обычного права, иных соционормативных установок.

Ключевые слова: обычное право, финно-угорские народы, юридико-антропологический анализ, община, брак, семья

Для цитирования: Сушкова Ю. Н. Брачно-семейные обычаи финно-угорских народов Поволжья: юридико-антропологический анализ (конец XIX – начало XX в.) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 87–99. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99.

Введение

Институты брака и семьи представляются неотъемлемым компонентом традиционного жизнеобеспечения народов, отражающим их историю, особенности быта и деятельности. Финно-угорские этносы на протяжении многовекового периода их существования сформировали оригинальные пласты брачно-семейных традиций, многие элементы которых сохранились до сих пор. Требования к браку и семье с древности

вырабатывались в этносоциуме в соответствии с его обычно-правовыми воззрениями, которые во многом поддерживались государством. Лучшие брачно-семейные традиции, в том числе многодетность, почитание старших, призрение сирот, послушание детей родителям, забота о них в преклонном возрасте, мирное разрешение семейных споров, порицание развода, сохранение семейной тайны, поощрялись на

государственном уровне, так как способствовали укреплению порядка, улучшению демографической ситуации, сохранению высокой нравственности, социальной солидарности и взаимопомощи.

Обзор литературы

Изучение брака и семьи у финно-угорских народов было начато крупными дореволюционными исследователями Г. Е. Верещагиным, В. Н. Майновым, П. И. Мельниковым, И. Н. Смирновым, М. Н. Харузиным, Г. Я. Яковлевым. Ими были собраны и обобщены оригинальные материалы о формах брака, способах его заключения, особенностях взаимоотношений между членами семей. Большое внимание уделялось обычно-правовым характеристикам брачно-семейных отношений, их эволюционному развитию с древности, проявлениям взаимовлияния различных культур.

В советский период изучение данной сферы этносоциальных отношений продолжилось в трудах Н. Ф. Беляевой, В. Е. Владыкина, К. И. Козловой, Г. А. Корнишиной, Н. Ф. Мокшина, Т. Л. Молотовой, Г. А. Никитиной, Л. С. Тойдыбековой, Т. П. Федянович, Л. С. Христоролюбовой и др. Авторы возобновили накопление знаний об обычаях и обрядовой жизни финно-угорских народов Поволжья, проследили преобразования свадебного обряда.

Многие исследователи советского периода внесли огромный вклад в познание традиционной культуры финно-угорских народов и в условиях современного финно-угроведения. Их последователями, среди которых Ю. В. Александров, М. С. Волкова, А. Е. Загребин, Е. Н. Мокшина, Ю. Н. Мокшина (Сушкова), О. А. Плоцкая, были подготовлены оригинальные труды по обычно-праву и его отдельным отраслям, в том числе по брачно-семейному праву, религиозной жизни, материальной и духовной культуре, историографии. В данной статье используется лишь часть представленной историографии проблемы.

Материалы и методы

Статья подготовлена на базе юридико-антропологического анализа источников, научной литературы, отдельных архивных

материалов по состоянию брачно-семейных отношений финно-угорских народов Поволжья в конце XIX – начале XX в. В основу исследования положена юридико-антропологическая методология, включающая как соответствующие теоретические подходы, так и конкретные способы сбора материалов. В статье используется сравнительный метод, позволяющий сопоставить те или иные элементы институтов брака и семьи у отдельных финно-угорских народов Поволжья, выявить общие и особенные их черты. Сравнение позволяет подтвердить вывод об общем происхождении финно-угорских народов, тенденциях их развития в регионе. Оригинальным методом юридической антропологии выступает герменевтика, предполагающая при изучении правовых обычаев более глубокое проникновение в логику правового мышления человека.

Результаты исследования и их обсуждение

В общественном быту финно-угорских народов важную роль играли семейные обряды и обычаи, связанные с заключением брака, свадьбой (мар. *суан*, морд. *ладямо*, удм. *сюан*) и внутрисемейной жизнью.

Большое значение придавалось домашним божествам. Считалось, что они могли мстить хозяевам, если те нарушали традиционные устои семейной жизни, например оставляли без присмотра ребенка, применяли к детям телесные наказания и др. Марийским домовым божествам *Кудо-ава* (*кудо* ‘дом’, *ава* ‘женщина, мать’), *Кудо-водыж* (‘домашний дух’), *Кудорт кугыза*, *Кудорт кува* (‘дедушка – дух дома’, ‘бабушка – дух дома’), *Порт оза* (‘хозяин дома’), *Порт кува* (‘хозяйка дома’) соответствовали мордовские хранители жилища *Куд-ава* и *Куд-атя* (*кудо* ‘дом’, *ава* ‘женщина’, *атя* ‘старик’), обитавшие под печкой или под порогом. Аналогии имеются и в удмуртской мифологии, согласно которой покровители жилища *Корка-мурт* (‘человек – дух дома’) и *Корка-кузе* (‘хозяин избы’) оберегали семью хозяина и его дом от чужих домовых, принимали участие в семейных делах. Под влиянием тюрков у мордвы появился термин, обозначающий жилище, – *юрт*, а также теоним *Юрт-ава* [15, 36].

В регулировании брачно-семейных отношений долгое время сохранялись многие традиционные черты, что было обусловлено замедленными темпами становления рыночных отношений, патриархальными чертами семейного уклада, прочностью семейно-родственных связей. Свадебные обряды характеризовались сложностью и многообразием; у финно-угорских народов они имели много общих черт, но различались отдельными элементами. Большая часть браков заключалась по сватовству, хотя были случаи умыкания невесты (чаще с ее согласия). Обряды, приуроченные к разным этапам свадьбы, знаменовавшей собой переход юноши и девушки в новый социальный статус, должны были способствовать благополучному осуществлению этого события, санкционировать его в глазах родственников и односельчан.

При выборе невесты вопрос о ее достоинствах обсуждался с родственниками на семейном совете. Невеста должна была быть работающей, здоровой, иметь хорошую репутацию. Практиковалась женитьба мальчиков на взрослых девицах [3, 99]. По свидетельству Г. Е. Верещагина, в начальный период распространения христианства у удмуртов мальчиков женили совсем в юном возрасте на зрелых работоспособных девушках с целью получить новую работницу в дом: «Женили сыновей от 8 до 12 лет на 20-летних девушках, что видно и из указа Вятской Духовной Консистории от 22 февраля 1757 года за № 178. Указом этим воспрещались такие обычаи в предотвращение кровосмешения свекров со своими снохами» [3, 122–123].

Важнейшим условием выбора невесты было соблюдение ею целомудрия до брака. Так, о целомудрии мариек писал священник Г. Яковлев: «У черемис целомудрие сохраняется более, чем у русских; у черемис нет развратных женщин и девиц. В здешнем обществе, состоящем из 9 починок, в 15 лет был только один несчастный случай, что девица родила до замужества, и то после смерти матери, потому что была без надзора» [25, 62]. Учитель Г. Мендиаров отмечал, что свобода полового общения вне брака у марийцев не допускается, она порицается общественным мнением

настолько строго, что случается лишь как исключение. По его свидетельству, строго соблюдается целомудрие и в сборищах, и в игрищах, хотя в них принимает участие молодежь обоего пола [13, 34]. При обнаружении тайных встреч юноши и девушки их родственники сразу стремились оформить брак. Богатый парень мог откупиться от брака с бедной девушкой суммой в размере не менее 25 руб. В случае порочной связи девушки с женатым или вдовы с парнем в качестве наказания по решению сельского схода их под барабанную дробь водили по улице привязанными друг к другу с навешанными на них старыми метлами, вениками, лаптями и др. «...Такому наказанию подвергались виновные не только из своей деревни, но и посторонние» [13, 34].

Рождение ребенка обязательно происходило в условиях брака, нарушение этого правила имело следствием общественное порицание девушки, навлечение позора на семью и род, существенные трудности в поиске супруга. У мордвы рождение внебрачного ребенка осуждалось настолько сильно, что перспективы его матери иметь законного супруга оценивались как минимальные. У удмуртов беременная девушка выходила замуж при ничтожном калыме, а в семье мужа ею всячески помыкали [1, 194]. Если беременела дочь богатого отца, ее могли выдать за бедного мужика [2, 17].

Существовала традиция заключения браков в рамках эндогамного ареала, нередко суженного до одного села. Например, у марийцев считался «враждебным» брак с девушками, «носящими другой костюм, нежели тот, какой обычен в селении жениха» [9, 306].

У поволжских финно-угорских народов браки были моногамными, хотя полигамия (многоженство) и полиандрия (многомужество) существовали в истории некоторых из них. У мордвы сохранилось немало документальных подтверждений этой брачной практики, в то время как у марийцев подобных свидетельств нет [17, 257]. Г. Ф. Миллер отмечал, что у народов Поволжья «по примеру всех восточных народов многоженство позволено», «однако ж никто более пяти жен у себя не имеет; а большая часть, особливо у вотяков, по одной или по две

жены у себя держат» [14, 77]. Он же привел интересный факт о двоеженстве у удмуртов как следствии недовольства супругой: «...ежели муж своею женой не будет доволен, то вместо разводной и того довольно бывает, что он лишает ее своего ложа и вместо того женится на другой, а первую содержит у себя, яко работницу», однако «ежели кто сверх первой жены похочет взять другую, то отцы... дочерей своих выдают неохотно и того ради просят за них дороже» [14, 69].

В XVIII в. и в более позднее время у восточных финно-угорских народов отмечались случаи левирата и сорората (брачные обычаи женитьбы брата умершего на его вдове, вдовца на сестре умершей жены), что объяснялось экономическими соображениями и интересами детей [17, 257]. Показательно, что у удмуртов вторая жена и младшая сестра жены назывались одинаково – *бултыр* [1, 194]. По свидетельству И. Н. Смирнова, в более ранние периоды истории явления левирата и сорората в среде марийцев встречались чаще [21, 99–102]. Вдова-марийка, вновь выходя замуж, брала с собой дочерей, сыновья же оставались в доме их покойного отца, иначе лишались права на землю и других привилегий [17, 261].

При левирате дети должны были считать мужа матери как родного отца, однако их фамилия оставалась прежней, а дети, рожденные с новым мужем, носили его фамилию. На такое сожительство родственники с обеих сторон смотрели как на законный брак. Если же вдова вопреки желанию родственников создавала семью с посторонним лицом, она считалась безнравственной и развратной, хотя дети в новых отношениях признавались законными [22, 70].

У мордвы и марийцев перед сватовством в доме жениха молились верховному богу, домашнему богу, а также предкам. Между сватовством и свадьбой родственники жениха несколько раз навещали невесту с подарками, договаривались о дне свадьбы. У марийцев будущая свекровь в эти дни определяла, подойдут ли родственникам жениха подарки, приготовленные невестой. Комплекс обрядов, приуроченных к посещению и одариванию родственников, свидетельствует о сохранении семейно-родственных связей и родственной взаимопомощи.

Специфичным для мордвы был обычай угощения невесты кашей родственницами в ее доме. У марийцев родственники с гостинцами собирались в доме невесты после укладывания сундука с приданым. Обычно брали хлеб, пироги, творог и др. Подарки укладывали в большую кожаную сумку, перевязанную лентой, которую вручали родителям девушки после получения согласия на брак. Однако с первого раза соглашаться на брак дочери считалось неприличным. Родители могли и отказать сватам, в том числе по причине нежелания дочери выходить замуж, «тогда отец, если не может склонить дочь, отказывает свату во второй или третий его приезд» [22, 70].

У удмуртов сват по окончании обряда угощения табаком приступал к сватовству, убеждая родителей выдать дочь за жениха. Невесту спрашивали о согласии – обычно это совершалось в ее комнате сестрой или братом. Если невеста не была согласна, старались ее уговорить всеми мерами, в том числе похвалами жениха, его родителей и родственников, обращая внимание на лад в семье и состоятельность. Согласие невеста выражала ответом о поручении «себя воле родителей» [3, 123–124].

Обязательным компонентом сватовства у финно-угорских народов была уплата калыма (мар. *олно*, *олын*, морд. *питне*, удм. *юрдон*) как своеобразного выкупа за невесту. Устный договор о размере, форме калыма, времени его внесения сопровождался соглашением о приданом невесты [3, 123–124]. Изначально калым вносился преимущественно скотом и ценными вещами, а со временем принял денежное выражение. Марийцы за невесту платили от 1 до 60 руб., жениться старались лишь тогда, когда «минут законные лета и отбудут в рекрутство». Разумеется, уплата калыма не давала права супругу относиться к жене как к объекту собственности.

Обычай предусматривал выделение невесте приданого, размер которого был сопоставим с выкупом. Брачный договор непременно включал калым и приданое. Даже беднейшие крестьяне не могли жениться, не внося хотя бы символическую плату за невесту. Девушка должна была получить от родителей приданое стоимо-

стью не меньше этой символической платы [17, 12].

Приданое относилось к личной собственности жены. Так, удмуртская девушка получала в приданое домашний скот, птицу и т. п. Все имущество поступало в ее исключительное владение, остальные члены семьи могли пользоваться им не иначе как с дозволения хозяйки [23, 7]. У марийцев, проживавших в Казанской и Нижегородской губерниях, имущество (белье, женские уборы, украшения и др.) после смерти матери переходило к дочерям, а если их не было, то к снохам [8, 68, 88].

Наряду с заключением брака сватовством у марийцев существовал обычай приобретения жены путем умыкания, но он не имел широкого распространения. При похищении невесты, как реальном, так и мнимом (по согласию), значимым этапом успеха являлось оставление молодых наедине, обычно в амбаре или другом помещении, после чего брак считался свершившимся, оставалось лишь урегулировать вопросы примирения с ее семьей.

Свадебная обрядность у финно-угорских этносов представляла собой яркое, самобытное явление народной культуры. В ней было много сходных черт, особенно у марийцев и мордвы. Это широкое участие родственников, обычай платы за невесту, взаимные одаривания родственников жениха и невесты, возвращение молодой в дом родителей через некоторое время после свадьбы и др. Однако эти общие для всех финно-угров Среднего Поволжья обычаи у каждого народа имели особенности, проявлявшиеся в причитаниях невесты, угощении ее кашей родственницами, наречении невестки у мордвы; исполнении специальных свадебных песен поезжанами, обрядах, связанных с культом коня, существенном разрыве во времени проведения свадебных пиров в доме жениха и невесты у удмуртов и др. [22, 53–54].

Общественное оформление брака путем проведения свадьбы оставалось обязательным и после принятия православия. Венчание могло происходить спустя год и более после свадьбы [17, 12]. У удмуртов венчание не имело «никакого значения», а совершалось только для соблюдения

«формы». Как отмечал Г. Е. Верещагин, у них «брак очень прост: жену покупают; обряд венчания у некрещеных заключается в том, что дают женщинам выпить священного пива» [3, 124].

Символами замужней жизни, перехода девушки в новый обычно-правовой статус являлись головной убор и новое имя. Головной убор замужней женщины на молодую надевали в разных местах в разное время. В некоторых мордовских селах сваха делала ей женскую прическу, надевая соответствующий головной убор, в церковной сторожке сразу после венчания. У марийцев и в отдельных районах у мордвы смена прически и головного убора происходила в доме мужа после венчания, а у удмуртов – после первой брачной ночи (такой порядок отмечен и в ряде мордовских сел). По некоторым данным, у мордвы молодая меняла прическу и головной убор через год после свадьбы или после рождения первого ребенка.

По свидетельству А. И. Емельянова, «вотяки, беря в замужество жен из других родов обыкновенно посредством похищения или умыкания, называли их родовыми именами, для того чтобы отметить их непринадлежность к тому роду, в супружескую связь с которым они теперь вступали» [7, 38].

У мордвы-мокши на второй день свадьбы совершали обряд наречения молодой, приобщая невесту к новому семейству и определяя ее положение в нем. На удмуртской свадьбе в этот день поезжане вели себя шумно, вызывая: грозились проломить пол, разбирали каменку в бане, дымоход на крыше дома, заводили в избу скотину, намереваясь ее зарезать, пилили и кололи в доме дрова. Обряды, совершавшиеся после свадьбы, были направлены на закрепление отношений между породнившимися семействами, на знакомство молодой с родней мужа.

Брачно-семейные узы в традиционной культуре народа считались крепкими, не подлежащими разрыву. У мордвы обычаев расторжения брака не зафиксировано, фактический уход жены от мужа и наоборот не означал общественного признания прекращения брака. У других финно-угорских народов такие обычаи существовали. Например, у марийцев развод мог про-

изойти с согласия общины по решению шести выборных ее представителей. При этом супруги подвергались всенародному осмеянию: разводящихся привязывали спинами друг к другу и отпускали лишь после объявления решения выборных. Марийской женщине, которая уходила от мужа по собственному желанию, обрезали косы, чтобы она впредь не могла надеть головной убор замужней женщины.

Как писал И. Н. Смирнов, развод практиковался у некрещеных удмуртов. Само обозначение развода как «прогнание жены» свидетельствовало о неравном положении женщины при его реализации. Развод утверждали старейшины от имени общины, по три человека с каждой стороны. Старики уточняли согласие как инициатора, так и другого супруга. В случае инициативы жены старалась примирить ее с мужем [20, 159]. Осуждались лица, кроме родителей, предоставившие кров сбежавшей жене. Однако домохозяева, приютившие жену от жестокого обращения мужа или свекрови, даже получали плату. Были случаи, когда расторжение брака осуществлялось тремя-четырьмя родственниками с обеих сторон, без общины. Дети после развода, как правило, оставались с отцом, но решение могло быть принято мужем и женой совместно [1, 197–198].

Повторно женщина могла вступить в брак в случае вдовства. У удмуртов для этого необходимо было получить согласие мирского общества. Обычное право в данной ситуации разрешало вновь создать семью. Например, в удмуртской сказке “Нюлэсмургенок” к солдатской вдове приходят сваты, что свидетельствует о возможности повторного замужества [3, 191].

Основную социально-экономическую ячейку финно-угорских народов составляли малые и большие неразделенные семьи, в которых, как в микромире, наиболее устойчиво сохранялись многие явления их культурно-обрядовой жизни. Исполнение семейных обрядовых комплексов представляло собой единый, строго соблюдаемый регламент, где каждый участник знал свое место и роль в совершении действия и был не вправе их нарушать.

Существование больших семей было выгодно как для ведения хозяйства, так и

для осуществления налогового контроля государством [11, 188]. В конце XVII в. у марийцев практиковалась система «подымного» обложения крестьян. Введенное в начале XVIII в. подушное обложение также было фактором сдерживания семейных разделов. Способствовало сохранению больших семей и государство. Указом Сената от 30 марта 1823 г. разделы позволялись лишь с особого разрешения губернаторов при условии сохранения в каждом дворе трех-четырех работников от 15 до 60 лет. В дальнейшем условия стали еще жестче: по Положению 1861 г. для выдела совершеннолетнего сына уже требовалось согласие схода, выраженное большинством голосов, по закону 1886 г. – не менее чем 2/3 голосов. Как свидетельствует М. Н. Харузин, к концу XIX в. у удмуртов наблюдалось стремление к разделам. Сожитие большими семьями встречалось все реже, а например, у проживавших по соседству с финно-угорскими народами Поволжья татар издавна существовал обычай, согласно которому сын после женитьбы отделялся от отца и жил своим хозяйством [24, 259].

Большие семьи у финно-угорских народов представляли собой значительные по численности производственные коллективы, построенные на принципах родства по мужской линии и включавшие несколько брачных пар с детьми [1, 129]. Во главе такой семьи стоял большак (мар. *кугурак*, морд. *кудазор*, удм. *кузе*), обычно им был старший мужчина, обладавший наибольшим опытом и деловыми качествами. Глава семьи был не владельцем, а распорядителем семейного (родового) имущества, подконтрольным общине. В братских семьях, отличавшихся демократичностью, действия большака контролировались семейным советом, в котором право совещательного голоса имели и старшие женщины. В отцовских семьях глава обладал большей властью в делах по распоряжению семейным имуществом.

У удмуртов в братских семьях место большака после смерти домохозяина занимал не его старший сын, а следующий за ним брат. В том случае, если предполагаемый большак оказывался неспособным осуществлять обязанности главы семьи (был пьяницей, мотом

и др.), кузе, умирая, оставлял завещание (в устной форме), в котором назначал кого-нибудь из родственников на свое место.

Подобный механизм передачи власти домохозяина существовал и у марийцев. После смерти главы семьи его власть переходила к брату, жившему с ним вместе, или к старшему сыну, или к вдове, если она имела влияние и если дети, оставшиеся после отца, были «в малых летах» [8, 66]. Мать-вдова пользовалась при малолетних детях той же властью в доме, какую имел отец. Власть матери уменьшалась, когда в семье появлялись женатые сыновья. Такие семьи оставались неразделенными не более двух-трех лет [8, 68].

Положение главы семьи обозначалось и внешними атрибутами властвования. Например, у удмуртов в каждой избе в переднем углу около стола стоял стул, на котором мог сидеть только хозяин (*торо пукон*).

Женской половиной семьи управляла большуха (мар. *кува*, морд. *кудазорава*, удм. *кузе кышно*). В мордовских и удмуртских семьях после смерти мужа его вдова могла стать главой семьи, но такое случалось крайне редко [1, 141]. По сообщению М. Н. Харузина, в одной из деревень Сарапульского уезда нераздельно проживали четыре брата со своими семьями, у которых большухой была старуха-мать, но в силу ее преклонного возраста дела вел старший сын [24, 262].

Обычно-правовое положение замужней женщины определялось ее ролью хозяйки дома, несущей большую ответственность не только за решение многих хозяйственно-бытовых вопросов, но и за поддержание духовно-нравственных ценностей, воспитание детей, сохранение традиций. Воспитание детей на добрых семейных традициях, почитающих родительскую волю и авторитет, выступало профилактикой их противоправного поведения с ранних лет. Марийцы по этому поводу говорили: «Привязанная лошадь-молодяшка может вращаться вокруг колышка», «Овсяный сноп легче удержать, ржаной – сложнее»¹.

Несмотря на достаточно тяжелый женский труд, было бы неверным характеризо-

вать статус жены с позиций обладания ею минимальными правами, жесткого подчинения воле мужа. Например, в случае его ухода на заработки жена замещала домохозяина на сельском сходе. В семейно-обрядовых и культовых комплексах роль женщины была особенно важна. У удмуртов семейные моления не могли совершаться мужчиной без жены, в связи с чем овдовевший супруг спешил жениться вновь, чтобы сохранить авторитетное положение при проведении обрядов, связанных с религиозным культом [1, 143].

Особое обычно-правовое положение женщины у финно-угорских народов Поволжья определялось значимостью в их мировоззрении женских божеств. Так, сопоставление религиозных верований мордвы и марийцев свидетельствует о «священной роли» и «неприкосновенности» женщины-матери. Представление о женщинах-матерях – покровительницах, а затем и хозяйках тех или иных сил природы, сфер жизнедеятельности эволюционировало в представление о «небесных матерях», покровительствовавших всему народу.

У мордвы одним из примеров выдающейся роли матери можно считать ее участие в свадебном обряде. Свадебный поезд жениха вела мать, «обыкновенно в венце с зажженной свечой в руках». Она же давала невестке новое имя при ее вступлении в дом мужа [9, 303]. У удмуртов бытовал обычай «величать жену именем матери», сохранилось сказание о женщинах-родоначальницах; женщина, особенно старшая по возрасту, являлась жрицей во время весеннего праздника, она же благословляла брачующихся.

Большим авторитетом у мордвы пользовался брат матери, которого ее дочери почитали как кормильца. Во время свадьбы невеста благодарила дядю за то, что он ее «вспоил и вскормил» [9, 306]. У марийцев дети, считая братьев и сестер отца близкими родственниками, тем не менее коренным родством признавали родство с дядями и тетями по матери, называя их близкими к сердцу. Однако, как отмечал М. М. Ковалевский, «все это только переживания прошлого, а в

¹ Этнография марийского народа / сост. Г. А. Сепеев. Йошкар-Ола, 2001. С. 122.

современном быту черемисов родственными связям по отцу дается явное предпочтение. Термин *туй-родо* сохранил значение родства по матери только в «устах стариков», молодое же поколение связывает с ним понятие родства по отцу» [9, 307]. Вероятно, обычно-правовое положение женщины у финно-угорских народов подверглось изменениям под влиянием традиционной юридической культуры русского народа.

Во внутрисемейной жизни женщины у восточных финно-угров обязывались придерживаться определенных ограничений, соблюдать обычаи избегания (запрещалось показывать босые ноги, ходить с непокрытой головой) [3, 35]. По свидетельству П. С. Палласа, замужней удмуртке предписывалось появляться перед старшими родственниками-мужчинами и посторонними людьми, зашедшими в гости, только в закрытой одежде и обязательно в головном уборе. Лишь вдовы и «самые престарелые» освобождались от этой обязанности и могли обвязывать свою голову лоскутом сукна, вышитый угол которого «висит по спине» [18, 35].

Исследователи быта марийцев отмечали характерные для них строгие правила взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Так, А. Фукс писала: «Принеся домой воды, молодая сама месит салму (лашка); и это блюдо кушается с уважением, если молодая вышла замуж как должна; а в противном случае салмы никто не ест, и даже иногда пьяные черемисы в нее плюют. Такое жестокое и явное наказание за проступок делает то, что черемисские девки ведут себя хорошо. Говорят, что очень редко случается неблагополучная свадьба, несмотря на то что девки сидят до 25 лет, а черемисы женятся мальчишками. И потому у всех черемис первого брака жены перед ними старухи» [23, 233].

Финно-угорские народы поддерживали и развивали традиции многодетности, а в случае отсутствия родных детей практиковали усыновление (удочерение). У удмуртов и марийцев для усыновления необходимо было отсутствие детей у усыновителя, а «коли уже есть дети, то принять чужого

нельзя» [24, 260]. У марийцев право усыновления предоставлялось как мужчинам, так и женщинам – в случае их вдовства [8, 71]. Удмуртская женщина могла самостоятельно усыновлять только тогда, когда была вдовой или большухой. При муже ей не позволялось усыновлять детей по собственному желанию [24, 260]. Усыновленные воспитанники как мужского, так и женского пола при разделе получали такие же части, какие даются родным детям. От усыновленного (восприемного сына, покормленника) местные крестьяне отличали подкидыша. Если в семье принявшего были родные дети, то подкидыш не отождествлялся с ними [8, 87].

Особый род усыновления встречался в тех семьях, в которых воспитывалась одна дочь и не имелось сыновей или близких родственников мужского пола. В таком случае «усыновляли» принятого в дом зятя, однако он не мог вступить в управление домом после смерти родителей жены [8, 72].

Семейные разделы обычно происходили мирно, с благословения отца и матери. Сначала выделялась семья старшего сына, затем следующего по возрасту и т. д. В доме родителей у крестьян Поволжья по обычаю минората, как правило, оставался младший сын². По сообщению А. Л. Износкова, у марийцев дом отца чаще всего доставался младшему сыну [8, 88]. У удмуртов встречались также случаи майората (наследования дома старшим сыном) [4; 5]. Отставные солдаты, их жены и дети у марийцев пользовались наследством по праву родства в одинаковой мере с крестьянами. Не подвергалось общему дележу при семейных разделах приданое женщин, считавшееся их личным имуществом. Известны случаи, когда отдельные члены семьи для сохранения личных денежных средств прятали их «тайком от домашних», «зарывали в землю» [8, 88].

В правовом быту всех финно-угорских народов широкое распространение получили юридические знаки (мар. *тиште*, морд. *тешкс*, удм. *нус*), свидетельствующие о принадлежности того или иного имущества владельцу. У марийцев первоначально тамга считалась «символом бога», которо-

² См.: Козлова К. И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 153; Этнография марийского народа. С. 119.

му она была посвящена, а также «заметкой» о количестве денег, пожертвованных на покупку скота. Свидетельство этого содержится, например, в этнографическом очерке С. К. Кузнецова: «Кроме длинных лык изготовили еще по коротенькому, с такими же знаками; другой конец короткого лыка расщеплен на столько узеньких полосок, чтобы сумма их составляла половину всего числа черточек в тамге» [12, 36–42].

Знаки собственности крестьяне применяли в качестве подписей на официальных документах, ставили на объектах недвижимости, использовали, подобно печати, при сделках и др. Знаки (вроде китайских иероглифов) прежде «составляли алфавит вотякского языка» [3, 69]. Знаками «записывали» расчеты с соседями, позволявшие точно установить, кто, когда, что и сколько должен или получил. «В домашнем быту вотяку необходимо знать какой-нибудь способ счисления, а так как грамотеи еще редки, то неграмотными введено свое арифметическое счисление, и это счисление производится на лутошечных палочках посредством вырезывания знаков вроде римских цифр. Знаки эти носят общее название бирок...» [3, 68].

Бирки выполняли роль товарных накладных при учете товара. «При выдаче смотрителями магазинов в ссуду хлеба число пудов отмечается на палочках; равным образом число выставленных тем или другим домохозяином подвод отмечается на таких же палках, и эти палки хранятся у десятских, пока они отправляют свою должность; по окончании же срока службы палки передаются новому десятскому» [3, 69]. Использовались бирки и при учете товара, поступившего в магазин: «Если кто занимается, например, хлебной торговлей и во время отлучки хозяина привезут хлеба, жена его отмечает принятый хлеб на бирке, длиной с вершок, и такая бирка раскалывается пополам; одну половинку она оставляет у себя, а другую вручает вместо ярлыка привезшему хлеб» [3, 69]. «Бирки выдаются еще синельщиками пряжи и холста и овчинниками. Они считаются удобными в том отношении, что никаких записей о приеме не требуется: одна половинка бирки, приложенная к другой, ясно показывает, чья именно вещь отдана мастеру в дело» [3, 69]. Таким способом

доказывалась подлинность бирки, не допускалось незаконное пользование товаром.

Крестьяне внимательно следили за соблюдением обычного права, строго наказывая за нарушение запретов. Существовавшие в обществе нормы взаимоотношений людей способствовали установлению добросердечности, уважения к человеческой личности. В случае необоснованных обвинений в нарушении обычного права допускалось обращение к общинным институтам – сельскому сходу, совету старейшин. Например, у марийцев практиковалось произнесение клятвы о своей невиновности перед зажженной свечой. Подозреваемый в совершении проступка человек просил Бога наказать его смертью, если в действительности был виновен, при этом он откусывал краюху хлеба [6].

Главным требованием в жизни крестьяне считали неукоснительное соблюдение установленного порядка (любить свой труд, своевременно его выполнять, уважительно относиться к окружающим, почитать предков и др.). «Мариец, прежде чем сделает один шаг вперед, трижды оглянется во круг», – гласит народная пословица. Между собой в традиционном обществе люди были всегда откровенны, боялись солгать, потерять репутацию, ценили верность, почитание, послушание, жили дружно и честно. Случаи воровства, хулиганства, злоумышленных действий, факты супружеской неверности, непочитания, непослушания хотя и встречались, но были сравнительно редки.

У финно-угорских народов Поволжья наряду с земледелием традиционными промыслами были охота и рыболовство, порядок ведения которых также регулировался обычно-правовыми нормами. Обычай обязывал удмуртского охотника делиться первой добычей с другими, его нарушение влекло утрату охотничьего счастья (везения, удачи) [19, 140]. «Охотничьи правила» предписывали взаимовыручку, проявление уважения к товарищам-промысловикам, бережное отношение к пойманной добыче, обязательное добывание подранка, совершение праздничной трапезы как знака особого почтения пойманному ценному зверю, соблюдение экологического равновесия в местах обитания рыбы, зверя и птицы.

Для регулирования отношений с соседями, односельчанами и вообще поведения людей народами было выработано понятие о проступке (грехе) – мар. *сулык*, морд. *не-жеть, коламо*, удм. *сьолык, йыруж*. Строго преследовались убийство, воровство, конокрадство, кляузничество, ложь, обман, колдовство, непочитание старших, культа предков, божеств, любое проявление прелюбодеяния и разврата. Например, у марийцев жестко порицалось воровство, осуждались все случаи нечестной наживы. Многовековой опыт народа свидетельствовал: чем богаче человек, тем он бесстыднее; вора спасешь – хорошего человека потеряешь³.

Нарушители строго наказывались как морально (осуждением, высмеиванием), так и физически, причем иногда виновного забивали насмерть. У восточных финно-угров за кражу имущества на пойманного на месте общинника вешали украденную вещь и под звуки ударов по пустому ведру на глазах собравшихся членов общины устраивали ему «позорную прогулку» по деревне, причем никому не возбранялось бить провинившегося. У марийцев за поджог и случившийся от этого пожар виновного связывали и бросали в огонь⁴.

Важную роль в процессе выявления нарушителя финно-угорские народы отводили присяге, она могла быть в виде перешагивания через палочку из священной рощи с произнесением заклинания, поедания с ножа куска хлеба, положенного на икону, «божбы по граду» [1, 86; 4, 108–109].

Архаичный пласт правовых воззрений представляют случаи самоубийства крестьян, называемые сухой местью. Иногда, стремясь доказать свою правоту, обвиненный в проступке вешался на воротах своего обидчика, добиваясь его осуждения обществом. Существовало даже поверье, что самоубийцы мстительны к своим обидчикам и после смерти, насылая им «всевозможные беды и напасти» [1, 90].

У удмуртов известны символические кражи, связанные с суевериями и обрядами (например, кражи горсти земли и снопов с полюсы более удачливых соседей и др.) [1, 85].

Несмотря на то что финно-угорские народы Поволжья придерживались традиций сохранения тайн семьи и села, нередко скрывая противоправные действия от властей, нередко были случаи привода преступников к официальным должностным лицам. Например, в протоколе допроса в Царевококшайской воеводской канцелярии новокрещеного марийца Петра Данилова Сименя (18 ноября 1761 г.) зафиксировано его признание в убийстве жены, совершенном в нетрезвом состоянии. После содеянного он сбежал с места преступления и укрывался в д. Шуля Яранмор Казанского уезда у других новокрещен – Логина Васильева Яшмета и Ивана Васильева. Узнав о преступлении, те привезли Сименя в Царевококшайск, в воеводскую канцелярию. Сименей поклялся, что в «убийствах и воровствах и разбоях нигде не бывал, воров и разбойников, и пристанищев их не ведает, також и беглых драгун, солдат и матросов не знает, дворам и протчему строению пожегов не чинивал и в сем допросе сказал он сущую правду»⁵.

Заключение

Финно-угорские этносы Поволжья выполняли множество аналогичных черт традиционной культуры и быта, что свидетельствует о традициях взаимопроникновения и взаимодействия. Несмотря на общие компоненты и в целом сходство обычаев в сфере брачно-семейных отношений, у народов имеются и отличительные свойства, особенности мировоззрения, обычного права, иных соционормативных установок. Традиции в сфере брака и семьи сохраняют многие черты, связанные с патриархальностью семейного уклада, прочностью семейно-родственных связей. Комплексностью и многообразием отличались свадебные обряды, обычаи взаимоотношений внутрисемейного характера.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

мар. –	марийский язык
морд. –	мордовский язык
удм. –	удмуртский язык

³ См.: Чуриков И. А. Этнопедагогика народа мари. М., 2005. С. 141–142.

⁴ См.: Этнография марийского народа. С. 104.

⁵ РГАДА. Ф. 598. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–2 об. Подлинник.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю. В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX в.). Ижевск: Удмуртия, 2014. 270 с.
2. Богаевский П. М. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1889. Вып. 1. С. 1–33.
3. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 199 с. (Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва по Отд-нию этнографии; т. 14; вып. 3).
4. Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собрание сочинений: в 6 т. Ижевск, 1997. Т. 3, кн. 1. С. 63–122.
5. Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков. Вятка: Губ. стат. ком., 1895. 63 с.
6. Евсеев Т. Е. Важнейшие моменты правового быта и обычного права марийского народа // Марий Эл. 1928. № 5–6, 7–8, 9–10.
7. Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. 3: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань: Казанск. восток. изд. подотд., 1921. 156 с.
8. Износков Л. Обычаи горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1868–1869 год. Казань, 1868. С. 60–92.
9. Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: опыт в области сравнительной этнографии и истории права. СПб.: Тип. Акционер. о-ва Брокгауз – Ефрон, 1911. 312 с.
10. Козлова К. И. Большая семья у марийцев в конце XIX – начале XX в. // Язык, литература, история. Йошкар-Ола, 1954. С. 161–183. (Учен. зап. МарНИИ; вып. 6).
11. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 344 с.
12. Кузнецов С. К. Четыре дня у черемис во время Сюрема: этногр. очерк. СПб.: Императ. Рус. геогр. о-во, 1879. 53 с.
13. Мендиаров Г. О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 22, № 3. С. 34–53.
14. Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Императ. Акад. наук, 1791. 99 с.
15. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. 244 с.
16. Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 253 с.
17. Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н. Ф. Мокшин и др. М.: Наука, 2000. 578 с.
18. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 3, половина 2. СПб.: Императ. Акад. наук, 1788. 484 с.
19. Плоцкая О. А. Обычное этническое право коми (зырян): моногр. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. 244 с.
20. Смирнов И. Н. Вотяки: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1890. 358 с. (Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те; т. 8, вып. 2).
21. Смирнов И. Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1889. 265 с.
22. Федянович Т. П. Свадебные обряды финно-угорских народов Среднего Поволжья (традиции и новации) // Свадебные обряды народов России и ближнего зарубежья: сб. ст. М., 1993. С. 46–72.
23. Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1840. 329 с.
24. Харузин М. Н. Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда, Вятской губернии // Юридический вестник. 1883. № 2. С. 257–291.
25. Яковлев Г. Я. Религиозные обряды черемис. Казань: Православ. миссионер. о-во, 1887. 87 с.

Поступила 18.11.2021; одобрена 15.12.2021; принята 13.01.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. Н. Сушкова – доктор исторических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного и европейского права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, yulenkam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4388-0611>

Marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region: legal and anthropological analysis (late XIX – early XX century)

Iuliia N. Sushkova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The institutions of marriage and family seem to be an integral component of the traditional livelihood of peoples, reflecting their history, features of life and activities. The Finno-Ugric ethnic groups, over the centuries of their existence, have formed original layers of marriage and family traditions, many elements of which have been preserved to this day. The article provides a comparative legal and anthropological analysis of the marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region.

Materials and Methods. The article is based on the literature, archival materials on the state of marriage and family relations of the Finno-Ugric peoples of the Volga region in the late XIX–XX centuries. It is based on a legal-anthropological methodology, which includes both relevant theoretical approaches and research methods of collecting materials. The comparative method makes it possible to compare certain elements of the institutions of marriage and family among individual Finno-Ugric peoples of the Volga region, to identify their common and special features. The hermeneutic method implies a deeper penetration into the logic of human legal thinking in the study of legal customs.

Results and Discussion. In the social life of the Finno-Ugric peoples, family rituals and customs related to marriage and wedding played an important role and family life. Great importance was attached to domestic deities. Many traditional features have been preserved in the regulation of marriage and family relations for a long time, which was due to the slow pace of the formation of market relations, patriarchal features of the family way of life, and the strength of family and kinship ties. Wedding ceremonies were characterized by great complexity and diversity. They were connected with different stages of the wedding, marking the transition of a young man and girl to a new social status; they were supposed to contribute to a more successful implementation of this event, to sanction it in the eyes of relatives and fellow villagers.

Conclusion. The Finno-Ugric ethnic groups of the Volga region have developed many similar features of traditional culture and way of life, which indicates the traditions of interpenetration and interaction. Despite the common things and the general similarity of customs in the sphere of marriage and family relations, peoples also have distinctive properties, features of worldview, customary law, and other socionormative relations.

Keywords: customary law, Finno-Ugric peoples, legal and anthropological analysis, community, marriage, family

For citation: Sushkova IuN. Marriage and family customs of the Finno-Ugric peoples of the Volga region: legal and anthropological analysis (late XIX – early XX century). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:87–99. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.87-99.

REFERENCES

1. Aleksandrov IuV. Customary law of the Udmurts (XIX – early XX century). Izhevsk; 2014. (In Russ.)
2. Bogaevskii PM. Notes on the legal life of the peasants of the Sarapulsky district of the Vyatka province. *Sbornik svedenii dlia izucheniiia byta krest'ianskogo naseleniia Rossii: (obychnoe pravo, obriady, verovaniia i pr.)* = Collection of information for studying the life of the peasant population of Russia. Customary law, rituals, beliefs, and so on. Moscow; 1889;1:1–33. (In Russ.)
3. Vereshchagin GE. Votyaks of the Sarapulsky district of the Vyatka province. Saint-Petersburg; 1889;14;3. (In Russ.)
4. Vereshchagin GE. Communal land ownership among the Votyaks of the Sarapulsky district. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* = Collected works: in 6 volumes. Izhevsk; 1997;3;1:63–122. (In Russ.)
5. Vereshchagin GE. Remains of paganism among the Votyaks. Vyatka; 1895. (In Russ.)
6. Evseev TE. The most important moments of legal life and customary law of the Mari people. *Marii El* = Mari El. 1928;5–6;7–8;9–10. (In Russ.)
7. Emel'ianov AI. Votyak ethnography course. Issue 3. Remains of ancient beliefs and rituals among the Votyaks. Kazan; 1921. (In Russ.)

8. Iznoskov L. Customs of mountain cheremis. *Pamiatnaia kniga Kazanskoi gubernii na 1868–1869 god* = Memorable book of the Kazan province for 1868–1869. Kazan; 1868;60–92. (In Russ.)
9. Kovalevskii MM. Tribal life in the present, recent and distant past: experience in the field of comparative ethnography and the history of law. Saint-Petersburg; 1911. (In Russ.)
10. Kozlova KI. A large family among the Mari in the late XIX – early XX century. *Iazyk, literatura, istoriia* = Language, literature, history. Yoshkar-Ola; 1954;6:161–183. (In Russ.)
11. Kozlova KI. Essays on the ethnic history of the Mari people. Moscow; 1978. (In Russ.)
12. Kuznetsov SK. Four days at the Cheremis during Surem. Ethnographic essay. Saint-Petersburg; 1879. (In Russ.)
13. Mendiarov G. About cheremis of Ufa province. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 1894;22;3:34–53. (In Russ.)
14. Miller GF. Description of the pagan peoples living in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyaks. Saint-Petersburg; 1791. (In Russ.)
15. Mokshin NF. Religious beliefs of the Mordovians. 2nd edition, enlarged and revised. Saransk; 1998. (In Russ.)
16. Mokshina IuN. Marriage and family in Mordovian customary law. Saransk; 2005. (In Russ.)
17. Mokshin NF et al., eds. The peoples of the Volga and Ural regions. Komi-Zyrians. Komi-Permyaks. Mari. Mordva. Udmurts. Moscow; 2000. (In Russ.)
18. Pallas PS. Journey through different provinces of the Russian state. Saint-Petersburg; 1788;3;2. (In Russ.)
19. Plotskaia OA. The customary ethnic law of the Komi (Zyryans). Monograph. Syktyvkar; 2015. (In Russ.)
20. Smirnov IN. Votyaki. Historical and ethnographic essay. Kazan; 1890;8;2. (In Russ.)
21. Smirnov IN. Cheremisy. Historical and ethnographic essay. Kazan; 1889. (In Russ.)
22. Fedianovich TP. Wedding ceremonies of the Finno-Ugric peoples of the Middle Volga region (traditions and innovations). *Svadebnye obriady narodov Rossii i blizhnego zarubezh'ia: sb. st.* = Wedding ceremonies of the peoples of Russia and neighboring countries. Collection of articles. Moscow; 1993;46–72. (In Russ.)
23. Fuks AA. Notes of Alexandra Fuks about the Chuvashs and Cheremis of the Kazan province. Kazan; 1840. (In Russ.)
24. Kharuzin MN. Essays on the legal life of the peoples of the Sarapul district, Vyatka province. *Iuridicheskii vestnik* = Legal Gazette. 1883;2:257–291. (In Russ.)
25. Iakovlev GI. Religious rites cheremis. Kazan; 1887. (In Russ.)

Submitted 18.11.2021; reviewing 15.12.2021; accepted 13.01.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iu. N. Sushkova – Doctor of History, Dean of the Law Faculty, Head of the International and European Law Department, National Research Mordovia State University, yulenkam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4388-0611>